

О.П. Юрьева

**Очерки по истории
феодализации монархии во
Франции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-11

О-11 **О.П. Юрьева**
Очерки по истории феодализации монархии во Франции / О.П. Юрьева – М.:
Книга по Требованию, 2015. – 58 с.

ISBN 978-5-518-07456-9

Печатается по изданию: Журнал Министерства Народного Просвещения.
Седьмое десятилетие. Часть СССXXXIX. 1902. Февраль

ISBN 978-5-518-07456-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Этот последний титул вовсе не делал его иностранцем; никакая идея национальности или антипатия расы не была тогда в состоянии повлиять на решение людей, не привыкших разбирать национальности или ненавидеть друг друга из-за племенных различий... Вопрос не был поставлен между двумя династиями, а лишь между двумя людьми, при чем неизвестность и непопулярность одного противопоставлялась доблестям другого; при чем один отсутствовал, а другой председательствовал в собрании; один был далек и слаб, другой всемогущ и связан интересами или родством почти со всеми присутствовавшими на собрании“¹⁾.

Вышеприведенныя слова опровергают теорию такъ называемыхъ националистовъ, т.-е. тѣхъ ученыхъ, которые хотѣли видѣть въ избраніи представителя капетинскаго дома торжество одной національности надъ другою. Болѣе подробнымъ разборомъ этой теоріи, давшей своеобразное толкованіе событію 987 года, мы займемся ниже; теперь же слѣдуетъ сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ она была гдѣ-тогда высказана Огюстеномъ Тьерри, она давно устарѣла, и современные ея послѣдователи высказываютъ ее въ сравнительно смягченной формѣ.

Съ другой точки зрѣнія значеніе этого событія было разобрано феодистами; ихъ теорія логически вытекаетъ изъ той картины социальнаго политическаго жизни Франціи, которая сложилась къ концу X вѣка. Въ эту эпоху, по ихъ мнѣнію, существовали двѣ противоположныя другъ другу силы: королевская власть и феодализмъ; первая все слабѣла, вторая становилась все болѣе и болѣе могущею. Гуго Капетъ, какъ крупный феодальный сеньоръ, былъ несомнѣнно представителемъ феодальной силы. Отсюда феодисты выводятъ заключеніе, что онъ принесъ съ собою на престолъ свои феодальныя понятія и положилъ такимъ образомъ своеобразную печать на государственный строй. Съ этой эпохи начинается, по ихъ взглядамъ, новый періодъ средневѣковой исторіи Франціи, когда практически осуществляется феодальная іерархія съ сюзереномъ-королемъ во главѣ.

И та, и другая теорія были доведены до крайности, и представители обѣихъ часто впадали въ полемическій тонъ при аргументированіи своихъ выводовъ, построенныхъ на слишкомъ широкомъ, но неопредѣленномъ основаніи. Вполнѣ безпристрастнымъ хотѣлъ быть Лю шеръ, перу котораго принадлежатъ наиболѣе солидные труды по исторіи монархическихъ и

¹⁾ *Fustel de Coulanges. Ibid. t. VI.—Les transformations de la royauté, p. 701.*

феодалныхъ учреждений во Франціи X—XIII вѣка. Онъ захотѣлъ поставить изученіе этого вопроса на возможно болѣе научную точку зрѣнія. Избѣгая голословныхъ утверждений, онъ тщательно изучилъ всѣ имѣющіяся на лицо фактическия данныя и, какъ по глубинѣ разработки вопроса, такъ и по методу изслѣдованія рѣзко отличается отъ тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые такъ часто вносили личныя предвзятія мнѣнія въ область своихъ изслѣдованій, чѣмъ лишали ихъ истинно научнаго характера. Въ этомъ отношеніи Люшеръ является однимъ изъ наиболее ярыхъ представителей того новаго течения во французской исторической наукѣ, основаніе котораго было положено Фюстель-де-Куланжемъ.

Люшеръ также, какъ до него Фюстель-де-Куланжъ, избѣгаетъ всякихъ преждевременныхъ обобщеній. Историческій синтезъ можетъ имѣть мѣсто, по его мнѣнію, только тогда, — „когда онъ основанъ на долгомъ и кропотливомъ изученіи подробностей“.—„Мы можемъ утверждать, продолжастъ онъ, что пришли къ конечнымъ выводамъ и обобщеніямъ безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей чисто аналитическимъ путемъ. И это—первый долгъ историка. Этимъ лишь онъ можетъ придать своему труду характеръ безпристрастности, т.-е. выработать отличительную черту истинной науки“¹⁾.

Но за Люшеромъ должна быть признана еще гораздо большая заслуга, чѣмъ простое безпристрастное изображеніе фактовъ; онъ впервые обратилъ вниманіе на значеніе исторической эволюціи въ интересующемъ насъ вопросѣ. Королевская власть этого періода выросла, по его мнѣнію, изъ глубины предшествовавшихъ эпохъ и сохраняла съ ними тѣсную связь. Живя традиціями старины и находя себѣ поддержку со стороны церкви, она сумѣла удержаться *выше* феодалнаго строя.

Несмотря на то, что Люшеръ заявляетъ о себѣ, что онъ стоитъ внѣ какой бы то ни было школы, и считаетъ невозможнымъ дѣлать черезчуръ широкія обобщенія, тѣмъ не менѣе и онъ не лишенъ увлеченія синтезомъ и онъ желаетъ начертить картину развитія монархической власти, представивъ ее въ видѣ стройнаго цѣлага. Правда, онъ не отрицаетъ того, что феодализмъ покорялъ своимъ понятіямъ монархическую власть,²⁾ но,

¹⁾ *A. Luchaire. Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers Capétiens. Paris 1891. (deuxième édition) t. I, préface p. XIII.*

²⁾ *A. Luchaire. Manuel des institutions françaises, période des Capétiens directs. Paris. 1892, p. 462, 463.*

останавливаясь на другой сторонѣ процесса, увлекается ею;— „историку, говоритъ онъ, позволительно приложить свои усилія къ тому, чтобы выдвинуть главнымъ образомъ тѣ попытки королевской власти, благодаря которымъ она старалась держаться выше противоположнаго ей режима и удовлетворяла тенденціямъ, характеризующимъ божественное право. Позволительно это потому, что данная сторона капетингской исторіи оставалась до сихъ поръ въ тѣни“¹⁾).

Люшеръ стремится освѣтить этотъ мало разобранный, но его мнѣнію, вопросъ и забываетъ временами, что рядомъ со старымъ монархическимъ принципомъ жили новыя, болѣе молодыя силы феодализма, на сторонѣ котораго стояло могущество практики настоящаго, тогда какъ, въ противоположность этому, за монархіей было лишь теократическое значеніе власти, унаслѣдованной отъ предковъ. Положимъ, повторяемъ еще разъ, Люшеръ нисколько не отрицаетъ постепенной феодализаціи королевской власти, но упоминаетъ объ этомъ вскользь, придавая первостепенное значеніе другой сторонѣ дѣла и видя залогъ будущаго пересозданія общества въ тѣхъ традиціяхъ старины, которыя жили въ монархическихкихъ идеяхъ и въ идеяхъ католической церкви. Феодализмъ при этомъ, какъ начало митикультурное, отодвигается имъ на второй планъ, и его роль въ созданіи монархіи будущихъ вѣковъ ступенчатымъ.

Итакъ, въ кругу интересующаго насъ вопроса, труды Люшера, по полнотѣ, безпристрастію и строгости научнаго метода, занимаютъ несомнѣнно выдающееся мѣсто, и каждому, изучающему вопросы, связанные съ исторіей капетингской монархіи, приходится считаться съ его точкой зрѣнія. Тѣмъ не менѣе труды эти вызываютъ и нѣкоторыя недоумѣнія, именно въ сферѣ отношенія королей къ феодализму; поэтому, останавливаясь специально на послѣднемъ вопросѣ, приходится особенно тщательно разобраться въ тѣхъ противорѣчій, какія встрѣчаются въ теоріи Люшера. Такого рода работа можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ хорошимъ введеніемъ для нашей задачи; вотъ почему мы и считаемъ себя въ правѣ начать съ подробнаго разбора взглядовъ Люшера. При этомъ мы имѣемъ въ виду, во-первыхъ, сравнить его теорію съ теоріями другихъ ученыхъ и выяснитъ установленный имъ новый и оригинальный взглядъ на характеръ монархическихкихъ учрежденій; во-вторыхъ, подвергалъ критической оцѣнкѣ этотъ взглядъ, мы выдѣлимъ изъ всѣхъ трудовъ

¹⁾ *A. Luchaire. Histoire des institutions monarchiques, II, p. 2.*

Люшера только специально насъ интересующій вопросъ о характерѣ монархической власти въ эпоху перемѣны династіи и объ отношеніяхъ королей къ свѣтскому феодализму въ эпоху наибольшаго развитія послѣдняго.

Уже такой частичный разборъ трудовъ Люшера представляетъ значительную трудность, особенно, если вспомнить слова Фюстель-де-Куланжа, написанныя имъ въ одномъ письмѣ по поводу рецензій на его книгу:—«критикъ долженъ обнаружить ту же стойкость метода, какая лежитъ въ основѣ книги, имъ критикуемой... Для того, чтобы критикъ былъ въ состояніи опровергнуть одно изъ моихъ положеній, необходимо, чтобы онъ раньше разобралъ тексты, которые я привожу въ видѣ доказательствъ, и противопоставилъ имъ другіе 1)».

Какъ сказано было выше, главная заслуга Люшера состоитъ въ томъ, что онъ впервые обратилъ вниманіе на значеніе традицій монархической власти въ ея торжествѣ надъ феодализмомъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса оказывается, что эти самыя традиціи оставались далеко не неизмѣнными. Феодальныя начала проникали постепенно въ глубину монархическихъ идей, заставляя самихъ королей становиться носителями феодальной законности. Эта постепенная эволюція сказывается съ особенною яркостью въ хроникахъ, гдѣ отчетливо обрисовываются отношенія королей къ свѣтскому феодализму, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ хотѣли ихъ выставить сами короли, и какъ понимали ихъ современники.

Феодализация монархическихъ идей, само собою разумѣется, является процессомъ чрезвычайно сложнымъ, въ которомъ тѣмъ не менѣе можно отмѣтить три послѣдовательныя ступени. На каждой изъ нихъ мы и предполагаемъ остановиться въ отдѣльности.

Интересы феодализма и монархической власти, ставшіе лицомъ къ лицу въ X вѣкѣ, обострились въ эпоху вступленія на престолъ 3-й династіи; уже тогда монархическія традиціи каролингской старины переплстались съ новыми понятіями не окрѣпшаго еще, но уже грознаго феодализма—это начало процесса. Тѣсны были рамки дѣятельности первыхъ Капетинговъ; страшны стѣны замковъ ихъ феодальныхъ враговъ со всѣхъ сторонъ тѣснили ихъ владѣнія. Поэтому-то

1) Письмо Фюстель-де-Куланжа, помѣченное 1875 годомъ, предназначено было редактору одного журнала, гдѣ появилась критика на его „Исторію политическихъ учрежденій“. См. *Paul Guiraud. Fustel de Coulanges. Paris 1896, p. 149.*

первые представители 3-й династии, по необходимости, сдержанные и замкнутые въ проявленіи своего королевскаго достоинства, не представляютъ интереса въ развитіи этого процесса.

Впервые вышелъ изъ положенія вынужденнаго бездѣйствія Людовикъ VI, начавшій собою новую эру капетингской монархіи. На его дѣятельности особенно удобно прослѣдить торжество постепенной феодализаціи монархическихъ идей.

Преемники Людовика VI, слѣдуя по той же дорогѣ, развивали дальше предначертанныя имъ идеи, пока наконецъ феодализированныя традиціи королевской власти не нашли себѣ новой теоретической санкціи въ трудахъ юристовъ XIII и XIV вѣковъ, пока наконецъ не закончился процессъ сліянія феодализма съ монархіей, давшій въ результатѣ государственный строй Франціи XIV вѣка ¹⁾.

I.

Значеніе событія 987 года.

1) Взглядъ Люшера на значеніе этого событія. — 2) Отношеніе Люшера къ теоріи національнаго переворота. — 3) Критика теоріи національнаго переворота на основаніи хроникъ Рихера. — 4) Сравненіе теоріи Люшера съ теоріей феодистовъ.

1.

Основной чертой королевской власти является для Люшера ея преемственный характеръ; по своей природѣ и существеннымъ особенностямъ эта власть — наслѣдница каролингской монархіи. Центральныи признакъ учрежденія остается все тотъ же, измѣняются лишь внѣшнія условія проявленія власти ²⁾. Какъ отличительную черту

¹⁾ Характеризуя королевскую власть эпохи первыхъ Капетинговъ на основаніи критической оцѣнки теоріи Люшера, мы имѣемъ въ виду слѣдующіе его труды: 1) *Histoire des institutions monarchiques*, 2 v. 1-re éd. Paris. 1883; 2-e Paris 1891; 2) *Louis VI le Gros. Annales de sa vie et de son règne avec une introduction historique*. Paris 1890. 3) *Manuel des institutions françaises (période des Capétiens directs)* Paris 1892. 4) *Le deuxième tome de l'Histoire de France publiée sous la direction de E. Lavisse — Les premiers Capétiens — Paris 1901*. Въ русской литературѣ, а отчасти и въ иностранной трудъ эти не были разобраны обстоятельно и по существу. (Относительно критики на *Hist. des inst. monarch.* см. *Revue des questions historiques* t. 86 (1883) p. 339—341. *Répertoire des travaux historiques* 3. p. 184—185. *Bulletin Critique*. 1883).

²⁾ *Luchaire*. *Inst. monarch.*, I, p. 38.

этой монархіи, унаслѣдованной отъ предковъ и живущей каролингскими традиціями, Люшеръ подчеркиваетъ ея церковный характеръ:—„эта королевская власть прежде всего и естественнымъ образомъ—власть по божественному праву“¹⁾.—Такою опредѣлилась она не только изъ традицій старой монархіи, но и болѣе непосредственно изъ самихъ условій и обстановки вступленія на престолъ Гуго Капета.

„Гуго Капетъ обязанъ своимъ избраніемъ церкви, представительницѣ римскихъ и монархическихъ традицій. Усилія духовенства, направляемыя тремя выдающимися личностями: Адальберономъ, архіепископомъ Реймскимъ, совѣтникомъ и секретаремъ его Гербертомъ и епископомъ Орлеанскимъ Аргульфомъ, вызвали торжество третьей королевской династіи. Напрасно будетъ говорить Адальберонъ въ своемъ письмѣ къ Карлу Лотарингскому: „къмъ былъ я, чтобы собственной властью ставить короля французамъ“. Этотъ скромный тонъ, вполне соотвѣтствующій церковному духу, не обманываетъ насъ насчетъ истиннаго положенія вещей“²⁾.

„Восшествіе на престолъ Гуго Капета было прежде всего фактомъ церковнаго характера—„un fait ecclésiastique“³⁾. Поэтому возстановленная королевская власть—ничто иное, какъ старая римская монархія, такая, какою всегда хотѣлъ видѣть ее епископатъ. Это—тотъ политическій институтъ, сохраненія котораго такъ сильно желалъ Адальберонъ и все духовенство; эту власть „по волѣ церкви и съ согласія нѣкоторыхъ могущественныхъ феодаловъ Гуго Капетъ и его преемники должны были продолжить и передать будущимъ вѣкамъ“⁴⁾. Она такимъ образомъ оказалась связанной съ церковью двойными узами: имѣя за себя издавна традиція божественнаго права, она попала въ руки Гуго Капета по волѣ духовенства. Эта новая связь монархіи и духовенства была тѣмъ болѣе важнымъ факторомъ, что въ эпоху послѣднихъ Каролинговъ „большинство духовенства покинуло династію, не обладавшую уже болѣе ни воспною силою для защиты церкви отъ феодальныхъ напиль, ни домѣнами для раздачи въ пользу епископій и монастырей“⁵⁾.—Итакъ, по мнѣнію Люшера, первенствующую роль въ переворотѣ 987 года играла церковь; она

¹⁾ Ibid. I, p. 40.

²⁾ *Luchaire. Inst. monarch. I, p. 31.*

³⁾ Ibid. I, p. 32, 33.

⁴⁾ Ibid. I, p. 33.

⁵⁾ Ibid. I, p. 20.

водворила на престолъ новую династію; она же передала въ ея руки власть клерикальнаго характера.

Эта особая связь капетингской монархіи съ церковью отмѣчается Люшеромъ во всѣхъ его трудахъ и формулирована съ особенною ясностью въ одномъ изъ 4-хъ тезисовъ, которые въ полемикѣ съ Каллери представляютъ окончательное резюме его воззрѣній на монархію X и XI в. Вотъ что гласитъ первый изъ этихъ тезисовъ: „Возстановленіе монархическаго института въ 987 году въ пользу Гуго Капета есть главнымъ образомъ дѣло вліянія церкви, и въ королевской власти Капетинговъ слѣдуетъ видѣть прежде всего продолженіе римской по происхожденію, клерикальной по формѣ, абсолютной по учрежденіямъ, монархіи Каролинговъ и Меровинговъ“¹⁾. Вторая часть этого тезиса еще болѣе обоснована въ „Исторіи монархическихъ учреждений“. — „Избраніе Капетинга, пишетъ Люшеръ, доказываетъ, насколько сильна была, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ слояхъ общества, римская традиція единства и централизаціи, реализованная учрежденіями имперіи, римская традиція, замѣтванная и продолженная почти въ тѣхъ же формахъ полуцерковной королевской властью Меровинговъ и австралійскихъ майордомовъ. Эта традиція продолжала жить въ концѣ X вѣка даже въ моментъ полного расцвѣта того режима, тенденціи котораго были ей совершенно противоположны. Она пережила крушеніе каролингской династіи наперекоръ тенденціямъ анархіи и политическаго раздробленія, которыя должны были уничтожить всякій слѣдъ организаціи, какъ римской, такъ и франкской Галліи. Воплѣтъ законно утвержденіе, что могущество робертинскаго дома и его окончательный успѣхъ были однимъ изъ результатовъ развитія феодализма. Возвышеніе Гуго Капета, главы могущественнаго сеньоральнаго рода, было несомнѣннымъ признакомъ повсѣго соціального и политическаго строя. Но, если феодализмъ рѣшилъ судьбу потомковъ Роберта Сильнаго и намѣтилъ ихъ избранниками націи, не онъ обусловливалъ необходимость возстановленія королевской власти въ лицѣ 3-й династіи. Это различіе надо признать очень существеннымъ, передъ нами факты уже не феодальнаго характера“²⁾.

Резюмируя все вышесказанное, можно выдѣлить изъ характеристики Люшера двѣ основныя черты монархіи X вѣка: 1) ея клери-

¹⁾ Annales de la Faculté des lettres de Bordeaux. Janvier-Fevrier 1882, p. 57.

²⁾ *Lucchaire*. Inst. monarch. I, p. 30—31.

кальный характеръ, 2) ея непосредственную, преемственную связь съ предшествовавшими династіями. Оставляя пока въ сторонѣ первую черту, остановимся на второй. Признавъ въ Гуго Капетѣ преемника традицій Каролинговъ и даже Меровинговъ, Люшеръ этимъ опровергаетъ два противоположныхъ мнѣнія: 1) уничтожается возможность видѣть въ событіи 987 года національный переворотъ; 2) возвышеніе Гуго Капета не можетъ уже считаться торжествомъ феодальныхъ началъ.

Поэтому необходимо перейти къ разсмотрѣнію отношенія теоріи Люшера къ этимъ двумъ противоположнымъ воззрѣніямъ, т.-е. къ теоріи „національнаго“ переворота и къ теоріи такъ называемыхъ „феодистовъ“.

2.

Вопреки знаменитой теоріи О. Тьерри о борьбѣ расъ, Люшеръ доказываетъ, что совершенно не точно видѣть въ Капетингахъ представителей французскихъ тенденцій въ противоположность германскимъ традиціямъ Каролинговъ ¹⁾. Онъ считаетъ эту теорію несостоятельной уже потому, что Каролинги вовсе не больше тяготѣли къ Германіи, чѣмъ Робертины. Однако несостоятельной эта теорія оказывается и по другой причинѣ. Обществу X вѣка былъ вовсе не по плечу антагонизмъ расъ, предполагающій ясно выраженное національное самосознаніе; въ этомъ главнымъ образомъ и ошибался О. Тьерри.

Позднѣйшіе ученые ослабили, по возможности, указанный элементъ сознательности въ расовой борьбѣ, желая придать ей болѣе стихійный характеръ: — „Нации и партіи образуются безсознательно, говоритъ Фриманъ, города и округа научаются играть свои спеціальныя роли раньше, чѣмъ они могутъ отдать сознательный отчетъ въ томъ, что они дѣлаютъ“ ²⁾. — Именно такія то безотчетныя, смутныя столкновенія Фриманъ видить во Франціи X вѣка, когда соперничали тевтонскій языкъ съ романскимъ, Лаонъ съ Парижемъ, преемники Карла Великаго съ наследниками Роберта Смѣлаго ³⁾.

Такого рода отношеніе мѣстныхъ группъ, конечно, болѣе правдоподобно въ X вѣкѣ, чѣмъ сознательная борьба національностей. Но

¹⁾ Ibid. I, p. 25 прим. 1.

²⁾ Freeman. Historical Essays. 1871, p. 213.

³⁾ Ibid. The history of the norman conquest, I, p. 172.

даже и бессознательной национальной тенденціи нельзя вскрыть ни въ одной изъ партій, и въ этомъ слѣдуетъ безусловно отдать преимущество теоріи Люшера; къ его доводамъ можно прибавить лишь слѣдующее: во Франціи X в. существовала партія герцога и партія короля, но никакихъ ни политическихъ, ни національных партій существовать не могло уже потому, что вообще не существовало даже общественнаго мнѣнія въ пользу того или другого претендента. Если бы существовало опредѣленное общественное мнѣние въ пользу того или другого, оно должно было бы ярко выразиться въ моментъ, когда въ 987 году побѣдила одна изъ партій. Торжество одной національности надъ другой должно было неминуемо произвести сильное впечатлѣніе и оставить глубокой слѣдъ въ воспоминаніяхъ современниковъ.

Между тѣмъ, по замѣчанію Ф. Лота, на причины революціи 987 г. нѣтъ никакихъ указаній у современниковъ ¹⁾. Этотъ послѣдній фактъ приводитъ Лота въ немалое удивленіе.—„Въ этой революціи, говоритъ онъ, поражаетъ то, что она ничѣмъ не вынуждена, не отвѣчаетъ ничѣмъ стремленіямъ, едва ли даже желанію тѣхъ, которые ею воспользовались... Никто не упоминаетъ, чтобы у Гуго Капета было опредѣленное намѣреніе завладѣть короною. Очевидно, онъ не обязанъ полученіемъ короны ни своей храбрости, ни ловкости, ни какому-либо принципиальному движенію... Мы видимъ лишь человѣка слабого и нерѣшительнаго, не смѣющаго сдѣлать шага безъ того, чтобы не спрашивать совѣта, человѣка, осторожность котораго граничила съ малодушіемъ. Да наконецъ какую идею, какіе принципы могъ проводить Гуго Капетъ?—Ровно никакихъ. Даже его приверженцы не думали, чтобы онъ могъ царствовать иначе, чѣмъ его предшественники; онъ не былъ представителемъ новой концепціи королевской власти. Тогда къ чему же эта перемѣна? Все сводилось къ вопросу о личности и обстоятельствахъ. Адалъберонъ, какъ мы уже говорили, нуждался въ покровителѣ, который былъ бы въ возможно лучшихъ отношеніяхъ съ Германіей. Карлъ былъ бѣденъ и неизвѣстенъ, Гуго богатъ матеріальными средствами и обшчаними; вотъ что склоняло сеньоровъ на сторону послѣдняго; вотъ причины избранія 1-го іюня 987 года во всей ихъ жалкой простотѣ. Главной причиною паденія Каролинговъ является тотъ таинственный, но всемогущій въ исторіи

---

¹⁾ *F. Lot. Les derniers Carolingiens. (Paris, 1891), liv. II. H. Capet et Charles de Lorraine, p. 293.*

элементъ, который одними называется судьбою, другими же просто случайностью“¹⁾).

Къ такому крайнему и, по существу своему, совершенно анти-историческому убѣжденію былъ приведенъ Лотъ только благодаря тому, что не видѣлъ въ источникахъ объясненія событія 987 г., которое онъ, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ считать и называть революціей. Конечно, безпричинную революцію нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ случаемъ, но, быть можетъ, въ молчаніи источниковъ можно видѣть нѣчто иное, чѣмъ простую безпричинность переворота.

Источники молчатъ потому, что для современниковъ существовала партія приверженцевъ Гуго и приверженцевъ Карла, но не существовало двухъ опредѣленныхъ политическихъ или національныхъ партій. Будь Карлъ популярнѣе, его неудача въ притязаніяхъ на тронъ вызвала бы больше неудовольствія, и слѣды этого могли бы остаться въ хроникахъ. Но популярность Гуго затмила партію Карла, а торжествующая партія считала свое торжество не трудно добытою побѣдою, по естественнымъ фактомъ, о которомъ не стоило особенно говорить въ то время, когда противники были такъ слабы. Такого рода положеніе дѣлъ во Франціи X вѣка—конечно вѣсвое доказательство противъ теоріи національнаго переворота; постараемся подтвердить высказанное объясненіе на основаніи хроники Рихера.

3.

Раньше чѣмъ полагаться на свидѣтельство Рихера, необходимо опредѣлить степень безпристрастія хроникера въ данномъ вопросѣ. Мнѣніе, что Рихеръ былъ приверженцемъ германскихъ и каролингскихъ тенденцій—мнѣніе довольно ходячее. Объясняется оно, конечно, тѣмъ, что на Рихера распространяли взгляды его учителя, а убѣжденія Герберта не могутъ быть въ данномъ отношеніи подвергнуты ни малѣйшему сомнѣнію. Въ доказательство такихъ же каролингскихъ тенденцій и Рихеръ указываетъ на его постоянное уваженіе къ этой династіи, даже послѣ того, какъ на престолѣ утвердилась другая²⁾. Однако, храня благоговѣйную память объ умершихъ короляхъ каролингскаго дома, Рихеръ дѣлалъ лишь то, что сдѣлалъ бы всякій представитель церкви—отдавалъ дань почтенія главѣ государства и носителю власти, поставленной на землѣ Богомъ. Съ другой стороны слѣдуетъ

¹⁾ *F. Lot. Les derniers Carolingiens*, p. 295, 296.

²⁾ *J. Guadet. Richer, Histoire de son temps; traduction française, notices et commentaires. Paris. 1845. Notice critique sur Richer et sur son histoire. p. XXVI.*